

личія оттѣнковъ,—перспектива въ такой степени заманчивая, что ради нея стоить дѣлать нѣкоторыя уступки и принести нѣкоторыя жертвы. Орлеанскіе принцы всегда отличались расчетливостью и практичностью. Они съумѣли занять видное положеніе въ республикѣ, не отказываясь отъ своихъ монархическихъ надеждъ; они добились возвращенія имъ громадныхъ имѣній, конфискованныхъ при Наполеонѣ III, и пользовались пріобрѣтенными средствами для усиленія своей анти-республиканской партіи; служа официально установленному народному режиму, они принимали участіе во всѣхъ направленныхъ противъ него попыткахъ и интригахъ; имъ вообще удавалось, какъ говорится, „и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти“.

Совершенно противоположный, нынѣ довольно рѣдкій типъ олицетворяется въ графѣ Шамборѣ. Онъ не только не приспособлялся къ требованіямъ дѣйствительности, не только не дѣлалъ ни одного шага на встрѣчу обстоятельствамъ, но высокомерно пропускалъ ихъ мимо и упорно отвергалъ всякія сдѣлки, казавшіяся ему несогласными съ традиціонными принципами его дома. Щепетильность его въ дѣлахъ фамиліи доходила до непонятнаго самоотверженія. Онъ не хотѣлъ пожертвовать своимъ бѣлымъ знаменемъ ради королевскаго трона, приготовленнаго ему въ 1873 году монархическимъ большинствомъ версальскаго національнаго собранія; въ этомъ случаѣ онъ не послѣдовалъ примѣру своего предка, Генриха IV, который полагалъ, что для обладанія Парижемъ можно перемѣнить религію. Въ вопросѣ о знамени графъ Шамборъ удивлялъ своихъ собственныхъ поклонниковъ; отказываться отъ предлагаемаго престола изъ-за подобныхъ пустяковъ было нелѣпо, по мнѣнію консерваторовъ, жаждавшихъ уничтожить республику. Пріѣздъ „короля“ въ Парижъ не состоялся, и французскимъ монархистамъ пришлось или примириться съ существующимъ государственнымъ строемъ или отречься отъ всякаго положительнаго вліянія на политическую жизнь страны. Образъ дѣйствій графа Шамбора привелъ къ тому, что республика была устроена руками ея враговъ, за неимѣніемъ матеріала для какой-либо другой формы правленія. Дѣло реставраціи было отложено до смерти бездѣтнаго претендента, такъ какъ совершившееся ранѣе формальное подчиненіе орлеанскихъ принцевъ авторитету графа Шамбора устраняло возможность всякой иной монархической кандидатуры.

Друзья графа Парижскаго видятъ теперь приближеніе того момента, когда ихъ терпѣливое ожиданіе увѣнчается заслуженною наградой и когда ихъ идеаламъ откроется свободное самостоятельное поле. Между тѣмъ положеніе дѣлъ во Франціи теперь уже далеко